

Одноглазка, двуглазка и треглазка

Братья Гримм

Жила на свете женщина, у которой были три дочери. Старшая из них называлась Одноглазка, потому что у ней был всего один глаз на середине лба. Средняя называлась Двуглазка, потому что у ней, как у всех людей, было два глаза. А младшая называлась Трехглазка, потому что у ней сверх двух глаз во лбу был третий.

Двуглазку за то, что она походила на всех людей, ее сестры и мать ненавидели.

Они говорили ей с презрением: «Ты со своими двумя глазами нимало не отличаешься от всех остальных людей, ты нам не пара».

Они толкали ее то туда, то сюда, давали ей носить только самые дурные платья, кормили ее только своими объедками и причиняли ей всякое горе, какое могли.

Случилось однажды, что Двуглазке приходилось идти в поле козу пасти, а она была очень голодна, потому что сестры очень мало дали ей поесть.

И вот села она в поле на полосу и стала плакать, да так плакать, что из глаз ее ручьями слезы бежали. И когда она в таком горе своем глянула вверх, то увидела: стоит около нее какая-то женщина и спрашивает: «Чего ты, Двуглазка, плачешь?»

Отвечала ей бедняжка: «Как мне не плакать? Из-за того, что у меня два глаза, как у других людей, мать и сестры меня ненавидят, толкают меня из угла в угол, дают носить только старое, а есть — одни объедки! Сегодня же так мало дали мне поесть, что я совсем голодна».

Вот и сказала ей ведунья: «Двуглазочка, утри слезы! Скажу я тебе такое, что ты больше голодать не станешь. Стоит тебе только крикнуть своей козочке: Козочка, давай Столик накрывай! и явится перед тобою опрятно накрытый столик, и на нем всякое хорошее кушанье, какого ты пожелаешь, и вволю! А как насытишься и столик тебе не будет более нужен, ты только скажи: Козочка, давай Столик убирай!»

— и он тотчас исчезнет».

И с этим ведунья скрылась. Двуглазка же подумала: «Я тотчас же должна испробовать, правду ли она мне говорила, потому что уж очень я проголодалась».

И она тотчас проговорила: Козочка, давай Столик накрывай!

И чуть только проговорила она эти слова, как явился перед ней столик с белой скатертью, а на нем тарелочка с ножом, вилкой и серебряной ложкой; а кругом стояли на столе лучшие кушанья, и пар от них шел, словно бы они тотчас из кухни на стол попали.

Двуглазка наскоро прочла молитву перед обедом, подседа к столу — и давай уплетать! И когда насытилась, то сказала, как учила ее ведунья: Козочка, давай Столик убирай!

И тотчас столик и все, что на нем было, исчезло бесследно. «Вот это настоящее дело!» — подумала Двуглазка и была очень весела и довольна.

Вечерком, придя домой с козою, она нашла на столе глиняное блюдо с объедками, которые ей сестры оставили, и, конечно, не прикоснулась к этой еде.

И на другое утро, уходя с козою в поле, она оставила нетронутыми те куски, которые были ей поданы.

В первое время сестры не обратили на это внимания; но затем заметили это и стали говорить: «С Двуглазкой что-то не ладно! Она каждый раз оставляет еду нетронутой, а прежде, бывало, все приберет, что ни поставь ей! Видно, она нашла себе возможность откуда-нибудь пищу получать».

И вот, чтобы дознаться правды. Одноглазка решилась с нею идти в поле за козой и наблюдать, что у ней там творится и не носит ли ей кто-нибудь в поле еду и питье.

Когда Двуглазка опять собралась в поле. Одноглазка подошла к ней и сказала: «Я хочу с тобою идти в поле и тоже присмотреть, чтобы коза хорошо паслась и отъедалась».

Но Двуглазка заметила, что у ее сестры на уме, и вогнала козу в высокую траву, а сама и говорит Одноглазке: «Пойдем, сестрица, сядем рядком, я

тебе кое-что пропою».

Одноглазка уселась, утомленная непривычной ходьбой и солнечным жаром, а Двуглазка и стала ей напевать все одно и то же: Одноглазочка, вздремни! Одноглазочка, усни!

Тогда Одноглазка закрыла свой глаз и уснула; увидев это. Двуглазка сказала: Козочка, давай Столик накрывай!

— и уселась за свой столик, и наелась, и напилась досыта, а затем опять сказала: Козочка, давай Столик убирай! — и все мигом исчезло.

Тут Двухлазка разбудила сестру и говорит ей: «Одноглазочка, ты хочешь пасти, а сама и заснула; тем временем коза Бог весть куда могла уйти; пойдём-ка домой».

Пошли они домой, а Двуглазка опять-таки своего блюда не тронула.

Одноглазка же не могла объяснить матери, почему та есть не хочет, и в извинение себе сказала: «Я там в поле приуснула».

На другой день мать сказала Трехглазке: «На этот раз ты ступай и хорошенько высмотри, ест ли Двуглазка в поле и не носит ли ей кто-нибудь со стороны еду и питье. Надо думать, что ест она потихоньку».

Вот Трехглазка и примазалась к Двуглазке, и говорит: «Хочу я с тобою пойти да посмотреть, хорошо ли ты козу пасешь, да даешь ли ты ей отъедаться».

Но та заметила, что у сестры на уме, загнала козу в высокую траву, а ей и говорит: «Мы с тобою там усядемся, и я тебе кое-что пропою». Трехглазка уселась, порядком поуставши от ходьбы и солнечного жара. А Двуглазка опять затянула ту же песню: Трехглазочка, вздремни!

Да вместо того, чтобы спеть:

Трехглазочка, усни! — она по рассеянности спела: Двуглазочка, усни!

Да все так и пела: Трехглазочка, вздремни! Двуглазочка, усни.

И точно, от этой песни у Трехглазки два глаза уснули, а третий не уснул.

Хотя она его тоже закрыла, но только из лукавства, прикидываясь спящей; однако же все-таки могла видеть.

А когда Двуглазке показалось, что сестра ее спит, она, как всегда, сказала: Козочка, давай Столик накрывай!

Попила и поела она вволю, а затем сказала: Козочка, давай Столик убирай!

И Трехглазка все это видела.

Потом пришла к ней Двуглазка и говорит: «Ну, сестрица, выпалась ли? Хорошо же ты коз пасешь! Пойдем-ка домой».

И когда они домой вернулись. Двуглазка опять не ела, а Трехглазка сказала матери: «Знаю я теперь, почему эта гордая девчонка не ест!» — и рассказала матери все, что видела.

Тогда это в матери возбудило зависть и досаду. «Так ты лучше нас есть хочешь! — подумала злая баба. — Постой же, я у тебя отобью охоту!»

Схватила она нож и ткнула им козе в сердце, так что та разом пала мертвая.

Как увидела это Двуглазка, так и залилась слезами; пошла в поле, села на полосу, сидит да плачет.

Вот и явилась опять около нее вещая дева, и спрашивает: «Двуглазка, о чем ты плачешь?» — «Как мне не плакать? Матушка ту козочку убила, что меня так хорошо по вашему сказу кормила; теперь опять придется мне голодать да горевать».

Сказала ей вещая дева: «Я тебе добрый совет дам: выпроси у сестер кишки от убитой козы и закопай их перед входной дверью в землю, это тебе на счастье будет».

И скрылась.

А Двуглазка пошла домой и сказала сестрам: «Дайте мне от моей козочки чего вам не жаль, дайте мне только ее кишочки». Сестры ее засмеялись и сказали: «Коли ничего другого не просишь, так на, возьми их».

И взяла Двуглазка кишочки и вечером втихомолочку зарыла их по совету вещей девы перед входной дверью.

На другое утро, когда все в доме встали и подошли к двери, то увидели, что выросло там чудное дерево с серебряными листьями и с золотыми плодами, такое-то чудное, что ничего лучше и дороже того дерева и на свете не

бывало.

И никто, кроме Двуглазки, не знал, откуда это дерево взялось: только она заметила, что оно выросло из того самого места, где она кишки закопала.

Вот и сказала мать Одноглазке: «Полезай на дерево, дитяtko, да нарви нам с него плодов».

Одноглазка полезла на дерево, но чуть только хотела сорвать одно из золотых яблочек, как ветки выскользнули у ней из рук: и это случалось каждый раз, когда она протягивала к яблокам руку, так что как она ни старалась, не могла сорвать ни одного яблочка...

Тогда мать сказала: «Трехглазка, теперь ты полезай! Ты тремя-то глазами можешь лучше кругом оглядеться, чем Одноглазка».

Одна сестра слезла, другая полезла на дерево. Но и у этой было не больше удачи.

Наконец, сама мать полезла вместо дочерей и тоже ничего с дерева добыть не могла.

А Двуглазка сказала ей: «Вот я полезу, может быть, мне лучше удастся, чем вам».

Сестры закричали: «Где уж тебе. Двуглазка!» Однако же Двуглазка все же влезла на дерево, и золотые яблоки сами ей в руки лезли, так что она их полон фартук нарвала.

Мать взяла у ней эти яблоки, но вместо того, чтобы лучше с нею обходиться, стали ей завидовать, что она одна может срывать яблоки с дерева, и стали еще больше ей досаждать.

Случилось, что однажды они все вместе стояли у дерева, а мимо проезжал молодой рыцарь. «Эй, Двуглазка, — крикнули обе сестры, — полезай, полезай под дерево, чтобы нам за тебя не стыдиться!»

И как можно скорее накрыли они ее пустой бочкой, которая стояла около дерева, да и золотые яблоки, сорванные с дерева, туда же попрятали.

Когда рыцарь поближе подъехал, он оказался красавцем; приостановил коня, полюбовался прекрасным деревом и сказал обеим сестрам: «Кому принадлежит это прекрасное дерево? Тот, кто мне дал бы с него веточку,

мог бы от меня потребовать, что его душе угодно».

Одноглазка и Трехглазка отвечали ему, что дерево им принадлежит и что они охотно сломят ему с дерева ветку.

Но как ни трудились — и та и другая — ни ветви, ни яблоки не давались им в руки. «Странно! — сказал рыцарь. — Дерево вам принадлежит, а вы все же с него ни яблока, ни ветви сорвать не можете». Но обе сестры настаивали, что дерево принадлежит им. Тем временем Двуглазка, разгневанная тем, что сестры ее так лгали, выкатила из-под бочки парочку золотых яблок прямо к ногам рыцаря.

Увидев яблоки, рыцарь удивился и спросил, откуда они взялись. Тогда злые сестры отвечали ему, что есть у них и еще одна сестренка, да та ему и показаться не смеет, потому у нее такие же два глаза, как и у всех других обыкновенных людей.

Однако же рыцарь захотел ее увидеть и крикнул: «Двуглазка, выходи сюда!»

Тогда Двуглазка преспокойно выглянула из-под бочки; рыцарь был поражен ее дивной красотой и сказал: «Ты, Двуглазка, уж, конечно, можешь мне сорвать ветку с этого дерева?» — «Да, — отвечала Двуглазка, — я это, конечно, могу, потому что дерево мне принадлежит».

И влезла на дерево, и легко сорвала с него ветку с чудесными серебряными листьями и золотыми плодами, да и подала ее рыцарю.

Тут рыцарь спросил у нее: «Двуглазка, что ж я тебе должен за эту ветку дать?» — «Ах, — отвечала бедняжка, — я терплю голод и жажду, печаль и невзгоду с раннего утра до позднего вечера: если бы вы могли меня взять с собою и избавить навсегда от этих всех бед, то я была бы очень счастлива».

Тогда рыцарь посадил Двуглазку на своего коня и привез ее домой в свой отческий замок: там он дал ей хорошее платье и еды, и питья вволю, и так как она ему полюбилась, то он с ней обвенчался и свадьбу отпраздновал превеселую.

Когда красавец-рыцарь увез с собою Двуглазку, стали сестры завидовать ее счастью.

«Ну, зато остается у нас дивное дерево, — подумали они, — хоть мы с него плодов снимать и не можем, а все же каждый, кто мимо поедет, перед ним

остановится, зайдет к нам и его похвалит; может быть, еще и на нашей улице праздник будет?»»

Но на другое же утро дерево исчезло, а с ним вместе и их надежды рассеялись прахом.

А Двуглазочка, как глянула из своей комнаты в окошечко, так и увидела, что дерево стоит перед ее окном, потому что оно за ней следом перешло.

Долгие годы жила Двуглазка в довольстве.

Однажды пришли к ней две нищенки. Заглянула она им в лицо и узнала сестер своих: Одноглазку и Трехглазку, которые впали в такую бедность, что должны были бродить по миру и выпрашивать себе кусок хлеба.

А Двуглазка их обласкала и сделала им много всякого добра, и ухаживала за ними так, что те обе от всего сердца пожалели о зле, которого они так много причинили сестре своей в молодости.